

Пьер БУРДЬЕ

933786

60.5

Б 91

СОЦИОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

GALLICINIUM

2

Pierre BOURDIEU

Sociologie
de l'espace social

60.5
Б 91

Пьер БУРДЬЕ

Социология
социального пространства

Перевод с французского
Общая редакция перевода
Н.А. Шматко

933786

Институт экспериментальной социологии, Москва
Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург

2007

Запорізька обласна
бібліотека
ім. О.М.Горького

Издание осуществлено при участии
ООО «Эльга»

Бурдьё, Пьер

Б91 Социология социального пространства / Пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с. — (Серия «Gallicinium»).
ISBN 978-5-903354-05-4

В книге представлены избранные труды Пьера Бурдьё, наиболее близкие и актуальные для российского читателя. Автор 35 книг и нескольких сотен статей, переведенных на десятки языков, Пьер Бурдьё изучал систему образования, государство, власть и политику, литературу и живопись, экономику и масс-медиа, науку и религию. Отобранные для книги тексты показывают в большей мере, чем какое-либо из существующих французских изданий, все разнообразие его исследовательской проблематики. Данное издание включает в себя работы, объединенные центральной темой генезиса и структурирования социального пространства, его связи с физическим пространством, особое внимание уделяется становлению государства как пространства особого рода.

В оформлении использованы фрагменты работ В. Кандинского

Главный редактор издательства И. А. Савкин
Разработка серийного оформления А. Бондаренко
Корректор Н. М. Баталова • Оригинал-макет Е. Н. Ванчурина
Издательство «Алетейя», 192171, СПб., ул. Бабушкина, д. 53. Тел./факс: (812) 560-89-47. E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (отдел реализации), aletheia@peterstar.ru (редакция) • www.aletheia.spb.ru
Подписано в печать 21.03.2005. Формат 84х108¹/₃₂. Усл.-печ. л. 15,1. Печать офсетная. Доп. тираж 500 экз. Заказ № 3671. Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука», 199034, СПб., 9 линия, д. 12

ISBN 978-5-903354-05-4

9 785903 354054

© П. Бурдьё. 2005
© Actes de la recherche en sciences sociales
© Revue française de la sociologie
© Институт экспериментальной социологии, составление, перевод, 2005
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2005
© «Алетейя. Историческая книга», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	7
Социальное пространство и генезис «классов».	
Перевод Н. А. Шматко.....	14
Физическое и социальное пространства.	
Перевод Н. А. Шматко.....	49
Социальное пространство и символическая власть.	
Перевод Н. А. Шматко.....	64
О символической власти. Перевод Н. А. Шматко.....	87
Стратегии воспроизводства и способы господства.	
Перевод Ю. В. Марковой.....	97
Мертвый хватает живого. Перевод Ю. М. Ледовских. ...	121
Делегирование и политический фетишизм.	
Перевод Н. А. Шматко.....	157
Политическое представление.	
Перевод Е. Д. Вознесенской.....	179
Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. Перевод Н. А. Шматко. ...	220
От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля.	
Перевод Н. А. Шматко.....	255

определение построено одновременно, как для прицепщиков вагонов — по задачам и по деятельности, и как для врачей — через звание.

¹⁰ Получение профессии, дающей звание, все более тесно связано с обладанием дипломом определенного типа. Здесь связь между типом диплома и вознаграждением за труд очень тесная в отличие от того, что можно наблюдать в случае профессий, не имеющих званий, когда агенты, выполняющие ту же работу, могут иметь самые разные типы дипломов.

¹¹ Обладатели одного и того же звания стремятся конструироваться в одну социальную группу и обладать постоянной организацией — корпорация врачей, ассоциация бывших соучеников и т. д., задуманной, чтобы утвердить сплоченность группы (с помощью периодических собраний и т. п.) и осуществлять свои материальные и символические интересы.

¹² Наилучшую иллюстрацию к такому анализу можно найти, благодаря замечательным работам Роберта Дарнтона, в истории своего рода культурной революции, которую занимающие подчиненные позиции в недрах становящегося интеллектуального поля — Бриссо, Мерсье, Демолен, Эбер, Марат и другие — совершили в лоне революционного движения (разрушение академий, распад салонов, запрет пансионов, уничтожение привилегий), находя свой принцип в статусе «культурного пари» и направляя свои усилия преимущественно против основополагающих символов власти, а также участвуя средствами «политической порнографии» и нарочито непристойных пасквилей в работе по «делегиимации», которая без сомнения является одним из фундаментальных измерений революционного радикализма. См.: *Darnton R. The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-revolutionary France// Past and Present*. Vol. 51. 1971. P. 81–115; в переводе на фр. яз. см. в: *Bohème littéraire et révolution, Le monde des livres au XVIIIe siècle*. Paris: Gallimard, Seuil, 1983. P. 7–41; о Марате, о котором часто не знают, что он был также, или сначала, плохим физиком, см.: *Gillispie C.C. Science and Polity in France at the End of the Old Regime*. Princeton University Press, 1980. P. 290–330.

¹³ О сходном анализе связи по типу «представление и воля» между группой родственников «на бумаге» и «практической» группой родственников см.: *Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique*. Genève: Droz, 1972; *Le sens pratique*. Paris: Minuit, 1980. (на рус. яз.: *Бурдьё П. Практический смысл/Пер. с фр. Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001.*)

ФИЗИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВА:

Проникновение и присвоение*

Социология должна действовать исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее с полями. Как тела и биологические индивиды, они [человеческие существа. — *Перев.*] помещаются, так же как и предметы, в определенном пространстве (они не обладают физической способностью вездесущности, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах) и занимают одно место. Место, *topos*, может быть определено абсолютно, как то, где находится агент или предмет, где он «имеет место», существует, короче, как «локализация», или же относительно, релятивно, как положение, ранг в порядке. Занимаемое место может быть определено как площадь, поверхность и объем, который занимает агент или предмет, его размеры или, еще лучше, его габариты (как иногда говорят о машине или мебели).

Однако физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимному исключению (или различению) позиций, которые его об-

* © Bourdieu P., 1990.

разуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций. Социальные агенты, а также предметы, присвоенные агентами и, следовательно, конституированные как собственность, помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами (выше, ниже, между и т. п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других. На самом деле, социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей — операций неизбежно очень дорогостоящих.

Структура социального пространства проявляется, таким образом, в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру. Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей (достаточно подумать об идее «естественных границ»).

Так, разделение на две части внутреннего пространства кабилеского дома, которое я детально анализировал **ранее**,¹ несомненно, устанавливает парадигму любых делений разделяемой площади (в церкви, в школе, в публичных местах и в самом доме), в которые переводится снова и снова, хотя все более скрытым образом, **структу-**

¹ См., например, работы П. Бурдьё: *La terre et les strategies matrimoniales* // *Annales*, 4-5 juillet-octobre 1972; *Esquisse d'une théorie de la pratique, précédée de trois études d'ethnologie kabyle*. Genève: Droz, 1972.

ра разделения труда между полами. Но можно с таким же успехом проанализировать структуру школьного пространства, которое в различных его вариантах всегда стремится обозначить выдающееся место преподавателя (кафедру), или структуру городского пространства. Так, например, пространство Парижа представляет собой помимо основного обратного преобразования экономических и культурных различий в пространственное распределение жилья между центральными кварталами, периферийными кварталами и пригородом, еще и вторичную, но очень заметную оппозицию «правого берега» «левому берегу», соответствующую основополагающему делению поля власти, главным образом, между искусством и бизнесом.

Здесь можно видеть, что социальное деление, объективированное в физическом пространстве, как я показывал ранее, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. И можно думать, что именно посредством такого воплощения в структурах присвоенного физического пространства неслышные приказы социального порядка и призывы к негласному порядку объективной иерархии превращаются в системы предпочтений и в ментальные структуры. Точнее говоря, неощутимое занесение в тело структур социального порядка, несомненно, осуществляется в значительной степени с помощью перемещения и движения тела, позы и положения тела, которые эти социальные структуры, конвертированные в пространственные структуры, организуют и социально квалифицируют как подъем или упадок, вход (включение) или выход (исключение), приближение или удаление по отношению к центральному и ценимому месту (достаточно подумать о метафоре «очага», господствующей точки кабилеского дома, которую Хальбвакс натуральным образом подыскал, чтобы говорить об «очаге культурных ценностей»). Я думаю, например, об уважительной поддержке, к которой апеллируют величие и высота (например, памятника, эстрады или трибуны), или еще о противостоянии произведений скульп-

туры и живописи или, более утонченно, обо всех проявлениях в поведении знаков уважения и реверансов, которые негласно предписывает простая социальная квалификация в пространстве (почетное место, первенство и т. п.) и любые практические иерархии областей пространства (верхняя часть/нижняя часть, благородная часть/постыдная часть, авансцена/кулисы, **фасад/задворки**, правая сторона/левая сторона и др.).

Присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ, как реверансы и уважение, которое рождается из отдаленности (*e longinquo reverentia*, как говорит латынь), точнее, из взаимного отдаления на почтительную дистанцию. Эти архитектурные пространства несомненно являются наиболее важными составляющими символическости власти, благодаря самой их незаметности (даже для самих аналитиков, часто привязанных, так же как историки после Шрамма, к наиболее видимым знакам, к скипетрам и коронам).

Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Например, как я уже писал, противопоставление «левого берега» Сены (под которым сегодня практически понимаются и предместья) «правому берегу», которое отражается на картах и в статистических обзорах (о публике, посещающей театры, или об особенностях художников, выставляемых в галереях на том и другом берегу), представлено «в головах» потенциальных зрителей, но также и в головах авторов театральных пьес или художников и критиков в виде оппозиций, функционирующих как категории восприятия и оценивания: оппозиция театра авангарда и поиска театру бульварному, конформистскому, повторяющемуся; публики молодой публике ста-

рой, буржуазной; или кино как искусству и эксперименту залам с исключительным правом показа некоторых фильмов и т. д.

Как можно видеть, нет ничего более сложного, чем выйти из овеществленного социального пространства, чтобы осмыслить его именно в отличие от социального пространства. И это тем более верно, что социальное пространство как таковое предрасположено к тому, чтобы позволять видеть себя в форме пространственных схем, а повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства.

Таким образом, нужно начинать с определения четкого различия между физическим и социальным пространствами, чтобы затем задаться вопросом, как и в чем локализация в определенной точке физического пространства (неотделимая от точки зрения) и присутствие в этой точке могут принимать вид имеющегося у агентов представления об их позиции в социальном пространстве, и через это — самой их практики.

Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т. е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, **кабильский** дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений.

Социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.),

которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях (то, что в «Различении»ⁱⁱ обозначалось как общий объем и структура капитала). Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ, которая сама в свою очередь зависит от их капитала). Такое двойное распределение в пространстве агентов как биологических индивидов и благ определяет дифференцированную ценность различных областей реализованного социального пространства.

Распределения в физическом пространстве благ и услуг, соответствующих различным полям, или, если угодно, различным объективированным физически социальным пространствам, стремятся наложиться друг на друга, по меньшей мере приблизительно: следствием этого является концентрация наиболее дефицитных благ и их собственников в определенных местах физического пространства (Пятая авеню, улица Фобур де Сент-Онореⁱⁱⁱ), противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим в основном, а иногда — исключительно, самых обездоленных (гетто). Эти места представляют собой ловушки для исследователя, поскольку, принимая их как

ⁱⁱ См.: Bourdieu P. La Distinction. Paris: Minuit, 1979.

ⁱⁱⁱ Улица Фобур де Сент-Оноре — одна из достопримечательностей Парижа. На ней представлены магазины и бутики всех больших и дорогих марок и известных законодателей моды. — Прим. перев.

таковые, неосторожный наблюдатель (например, имеющий целью проанализировать характерную символику торговли предметами роскоши на Медисон авеню и на Пятой авеню, употребление имен собственных или нарицательных, заимствованных из французского, использование благородного удваивания имени основателя профессии, упоминание предшественников и т. п.) обрекает себя на субстантивистский и реалистический подход, упуская главное: каким образом Медисон авеню, улица Фобур де Сент-Оноре объединяют продавцов картин, антикваров, дома «высокой моды», модельеров обуви, художников, декораторов и т. п. — все то множество коммерческих предприятий, которые в целом занимают высокие (следовательно, гомологичные друг другу) позиции каждый в своем поле (или социальном пространстве) и которые не могут быть поняты в самой своей специфике, начиная с названий, иначе как в связи с коммерческими предприятиями, принадлежащими тому же полю, но занимающими другие области парижского пространства. Например, декораторы с улицы Фобур де Сент-Оноре противопоставляются (прежде всего, по своему благородному имени, но и по всем свойствам, природе, качеству и ценам предлагаемой продукции, социальным качествам клиентуры и т. п.) тем, кого в Фобур Сент-Антуан называют столярами-краснодеревщиками; модельеры причесок поддерживают подобные отношения с простыми парикмахерами, модельеры обуви — с сапожниками и т. д. В той мере, в какой оно лишь концентрирует позитивные полюса из всех полей (так же, как гетто собирает все негативные полюса), это пространство не содержит истину в себе самом. То же относится и к столице [*la capitale*], которая — по меньшей мере во Франции — является местом капитала [*le capital*], т. е. местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей и большая часть агентов, занимающих эти господствующие позиции. Следовательно, столица не может мыслиться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ничем иным, кроме лишения (относительного) и столичности, и капитала.

Генезис и структура присвоенного физического пространства

Пространство, точнее, места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе.

Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала. Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения. Напротив, тех, кто лишен капитала, держат на расстоянии либо физически, либо символически от более дефицитных в социальном отношении благ и обрекают соприкасаться с людьми или вещами наиболее нежелательными и наименее дефицитными. Отсутствие капитала доводит опыт конечности до крайней степени: оно приковывает к месту. И наоборот, обладание капиталом обеспечивает, помимо физической близости к дефицитным благам (место жительства), присутствие как бы одновременно в нескольких местах благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации (которое часто удваивается эффектом делегирования — возможностью существовать и действовать на расстоянии через третье лицо).

Возможности доступа или присвоения, как мы уже видели, определяются через отношение между пространственным распределением агентов, взятых нераздельно как локализованные тела и как владельцы капитала, и распределением свободных в социальном отношении благ или услуг. Отсюда следует, что структура пространственного распределения власти, иначе говоря, прочно и леги-

тимно присвоенные свойства и агенты, наделенные неравными возможностями доступа к благам или их присвоению, как материальному, так и символическому, представляет собой объективированную форму состояния социальной борьбы за то, что можно назвать пространственными прибылями.

Эта борьба может принимать индивидуальные формы: пространственная мобильность, внутри- и межпоколенная — перемещения в обоих направлениях, например, между центром (столицей) и провинцией или между последовательными адресами внутри иерархически организованного пространства столицы — являет собой хороший показатель успеха или поражения, полученного в этой борьбе, и более широко, всей социальной траектории (при условии понимания, что агенты разного возраста и с разной социальной траекторией, так же как, например, молодые управляющие кадры высшего звена и пожилые кадры среднего звена, могут временно сосуществовать на одних и тех же постах, и равным образом они могут оказаться, тоже лишь временно, соседями по месту жительства).

Борьба за пространство может осуществляться и на коллективном уровне, в частности, через политическую борьбу, которая разворачивается, начиная с государственного уровня — политика жилья, и до муниципального уровня, а именно посредством строительства и предоставления социального жилья или через выбор коммунального оснащения. Борьба может идти, исходя из целей формирования однородных групп на пространственной основе, т. е. за социальную сегрегацию, которая есть одновременно причина и результат исключительного обладания пространством и оснащением, необходимым для группы, занимающей это пространство, и для ее воспроизводства. (Пространственное господство — одна из привилегированных форм осуществления господства, а манипулирование распределением групп в пространстве всегда служило манипулированию группами; можно, в частности, сослаться на использование пространства, практикующееся при различных формах колонизации.)

Пространственные прибыли могут принимать форму прибылей локализации, которые в свою очередь могут быть подвергнуты рассмотрению в двух классах. Во-первых, рента от положения, которая связывается с фактом нахождения рядом с дефицитными или желательными вещами (благами или услугами, такими как образовательное, культурное или санитарное оснащение) и с агентами (определенное соседство, приносящее выгоды от спокойной обстановки, безопасности и др.) или вдали от нежелательных вещей или агентов. Во-вторых, прибыли позиции или ранга (как те, что обеспечиваются престижным адресом) — частный случай символических прибылей от отличия, которые связываются с монопольным владением отличающей собственностью. (Физические расстояния, которые можно измерить пространственными мерками или, лучше, временными мерками, подлительности времени, необходимого для перемещения в зависимости от доступности средств общественного или частного транспорта, иначе говоря, власть, которую капитал в его различных видах дает над пространством, есть также власть над временем.) Они могут затем принимать форму прибылей от занимаемого пространства (или от габаритов), т. е. от обладания физическим пространством (обширные парки, большие квартиры и т. п.), которые могут стать способом сохранения разного рода дистанции от нежелательного вторжения (это «радующие взор виды» английской усадьбы, которые, как отмечал Раймонд Вильямс в «*Town and Country*», превращают сельскую местность и ее крестьян в пейзаж для убаживания владельца, а «нефотогеничные ракурсы» — в рекламу по недвижимости). Одно из преимуществ, которое дает власть над пространством, — возможность установить дистанцию (физическую) от вещей и людей, стесняющих или дискредитирующих, в частности, через навязывание столкновений, переживаемых как скученность, как социально неприемлемая манера жить или быть, или даже через захват воспринимаемого пространства — визуального или аудио — представлениями или шумами, которые, в силу их социальной маркированности и негативной оценки,

неизбежно воспринимаются как вмешательство или даже агрессия.

Место обитания, как социально квалифицированное физическое место, предоставляет усредненные шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющихся в распоряжении в данный момент. Шансы специфицируются для различных обитателей этой зоны по материальным (деньги, частный транспорт и др.) и культурным способностям присваивать, имеющимся у каждого агента (прислуга испанка из XVI округа Парижа^{iv} не имеет тех же возможностей присвоить себе блага и услуги, предлагаемые данным округом, что есть у ее хозяина). Можно физически занимать жилище, но, собственно говоря, не жить в нем, если не располагаешь негласно требующимися средствами, начиная с определенного габитуса. Такое положение у тех алжирских семей, которые, перебираясь из трущоб в район *HLM*^v, обнаруживают, что против всех ожиданий они «сражены» новым, столь долгожданным жилищем, не имея возможности выполнить требования, которые оно негласно включает в себе, например, необходимость финансовых средств на покрытие вновь появившихся расходов (на газ, электричество, а также транспорт, оборудование и др.), но еще всем стилем жизни, в частности, женщин, который обнаруживается в глубине с виду универсального пространства: начиная с необходимости и умения сшить штормы и кончая готовностью жить свободно в неизвестном социальном окружении.

Короче говоря, габитус [*habitus*] формирует место обитания [*habitat*] посредством более или менее адекватного социального употребления этого места обитания, которое он [габитус] побуждает из него делать. Мы подходим, таким образом, к тому, чтобы поставить под сомнение веру в то, что пространственное сближение или, более

^{iv} XVI округ Парижа (округ Булонского леса) — район поселения богатых буржуазных семей. — Прим. перев.

^v *HLM* — *habitation à loyer modéré* — большие дома, построенные местной администрацией и предназначенные для семей с низким доходом; социальное муниципальное жилье. — Прим. перев.

точно, сожителство сильно удаленных в социальном пространстве агентов может само по себе иметь результатом социальное сближение или, если угодно, — распад. В самом деле, ничто так не далеко друг от друга и так не невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве. И нужно еще задаться вопросом об игнорировании (активном или пассивном) социальной структуры пространства обитания и ментальных структур его предполагаемых обитателей, которое направляет стольких архитекторов поступать так, как если бы они были в силах навязать социальное употребление здания и оснащения, на которые они проецируют собственные ментальные структуры, иначе говоря, те социальные структуры, продуктом которых являются их ментальные структуры.

Можно привести пример семей, которые чувствуют себя или на самом деле находятся не на месте в предоставленном им пространстве: всякий раз подвергаешься опасности, когда проникаешь в пространство, не выполнив всех **требований**, которые оно негласно предъявляет своим обитателям. Условием может быть обладание определенным культурным капиталом — истинной платой за вход, которая может воспрепятствовать реальному присвоению благ, называемых общественными, или самому желанию их присвоить. Очевидно, что здесь имеются в виду музеи, но это относится и к услугам, произвольно принимаемым за наиболее универсально необходимые (например, медицинские или юридические учреждения), или такие, что предлагают учреждения, организованные для обеспечения большего доступа к ним (социальное страхование и различные виды бесплатной помощи). Можно ценить Париж за его экономический капитал, а можно и за его культурный и социальный капиталы, однако недостаточно войти в **Бобур**^{vi}, чтобы присвоить

^{vi} Бобур — культурный центр имени Жоржа Помпиду, в котором располагаются музей современного искусства, библиотека, галереи и выставочные залы, кинотеатры и т. д. — *Прим. перев.*

культурные ценности музея современного искусства; нельзя даже быть уверенным в том, что необходимо и достаточно войти в залы, посвященные искусству модерна (очевидно, так делают не все посетители), чтобы сделать открытие, что недостаточно туда войти, чтобы ими овладеть...

Помимо экономического и культурного капиталов, некоторые пространства, в частности, наиболее закрытые, наиболее «избранные», требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью «эффекта клуба», который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и того же пространства (шикарные кварталы или великолепные особняки) людей и вещей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других нечто общее, не являющееся общим для всех. Эффект клуба действует в той мере, в какой эти люди исключают по праву (с помощью более или менее афишированной формы *numerus clausus*^{vii}) или по факту (чужак обречен на некоторое внутреннее исключение, способное лишить его определенных прибылей от принадлежности) не проявляющих всех желательных свойств или проявляющих одно из нежелательных свойств.

Эффект гетто есть полная противоположность эффекту клуба. В то время как шикарные кварталы, функционирующие как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц, символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в капитале, аккумулированном совокупностью жителей, гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением. Кроме эффекта «клеймения», объединение в одном месте людей, похожих друг на друга в своей обделенности, приводит к удвоению этого лише-

^{vii} порядок исключения (*лат.*).

ния, особенно, в области культуры и культурной практики (и наоборот, эффект «клея» укрепляет культурные практики наиболее обеспеченных).

Среди всех свойств, которые предполагает легитимное занятие определенного места, имеются такие — и они не являются наименее определяющими, — которые приобретаются лишь при длительном занятии этого места и при продолжительном посещении его законных обитателей. Очевидно, это случай социального капитала связей (в особенности таких привилегированных, как дружба с детства или с юношеских лет) или всех тех наиболее тонких аспектов культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и т. п. Существует масса черт, придающих особую весомость месту рождения.

Чтобы показать, каким образом власть и, в частности, власть над пространством, которую дает обладание различными видами капитала, переводится в присвоенное физическое пространство в форме пространственного распределения возможностей обладать и иметь доступ к дефицитным благам и услугам, частным или общественным, я попытался несколько лет назад вместе с Моник де Сен-Мартен собрать воедино множество имеющихся статистических данных на уровне каждого французского департамента одновременно по показателям экономического, культурного и даже социального капиталов, а также по благам и услугам, предлагаемым на этом уровне. Целью этой затеи было постараться уловить все то, что часто относят на счет физического или географического пространства, бессознательно подчиняясь действию натурализации, которое производит преобразование социального пространства в присвоенное физическое пространство, и что на самом деле может и должно быть отнесено на счет структуры пространственного распределения как частных, так и общественных ресурсов и благ. Эта структура есть не что иное, как кристаллизация в данный момент времени всей истории рассматриваемой локальной единицы (регион, департамент и т. д.), ее положения в государственном пространстве и т. п. Несмотря на то что это исследование за отсутствием времени не было доведе-

но до конца, оно по меньшей мере позволило сделать вывод, что главное из региональных различий, которое часто приписывают результату действия географического детерминизма (например, в логике противопоставления севера и юга), обязано своим воспроизводством в истории эффекту кругового подкрепления, непрерывно осуществляемого в ходе истории. Поскольку устремления, особенно в отношении места жительства и более широко — культуры, являются большей частью продуктом структуры распределения благ и услуг в присвоенном физическом пространстве, они имеют тенденцию меняться вместе со способностью их удовлетворять, а потому результат действия неравного распределения стремлений приводит к удваиванию в каждый момент результата действия неравного распределения средств и шансов их удовлетворения.

Определив и измерив совокупность феноменов, хотя и связанных внешне с физическим пространством, но отражающих в действительности экономические и социальные различия, остается только постараться выделить неразложимый остаток, который относится исключительно к действию близости или дистанции в собственно физическом пространстве. Например, эффекту барьера, следующему из локализации в какой-либо точке физического пространства и из антропологической привилегии принадлежать не только непосредственно воспринимаемому настоящему, но и видимому и ощущаемому пространству **со-присутствующих** предметов и агентов (соседи и соседство). Таким образом, можно видеть, что вражда, связанная с близостью в физическом пространстве (конфликты между соседями, например), может затмить солидарность, проявляющуюся на уровне позиции, занимаемой в национальном или интернациональном социальном пространстве, или что представления, связанные с занимаемой в локальном социальном пространстве позицией, могут помешать понять позицию, реально занимаемую в национальном социальном пространстве.